

скихъ и московскихъ преданій о призваніи князей»; связь съ послѣдними «обнаруживается изъ сравненія былинныхъ описаній Микулы и отношенія къ нему Вольги со сказаніями Іоакимовской лѣтописи и хронографовъ о Гостомыслѣ, родѣ его и отношеніяхъ Гостомысла къ Рюрику и его роду»¹⁾. «Лѣтописецъ XVII вѣка» рассказываетъ, что Кій, Щекъ и Хоривъ разбойничали въ Новгородѣ и новгородцы собирались ихъ повѣсить, но Олегъ велѣлъ выпустить ихъ изъ темницы, они обѣщаютъ ему покинуть его владѣнія и доходятъ до днѣпровскихъ горъ, гдѣ Кій «сотвори себѣ градецъ малъ Киевецъ». Проф. Халанскій вспоминаетъ по этому поводу, что «мотивъ освобожденія русской земли отъ цѣлаго разбойничьяго рода до сихъ поръ сохраняется въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ-разбойникѣ²⁾. Извѣстно, какъ расправился съ Соловьемъ Илья=Олегу=Муромлинъ; но тотъ же Олегъ—Вольга защищаетъ Садко отъ новгородцевъ, и авторъ снова обращается къ Лѣтописцу XVII вѣка, напоминая объ освобожденіи Олегомъ осужденнаго новгородцами Кія³⁾.

И далѣе проф. Халанскій пользуется «Лѣтописцемъ» и тому подобными памятниками для возстановленія древней поэтической традиціи о первыхъ событіяхъ нашей исторіи, забытыхъ лѣтописью, но сохраненныхъ въ отзвукахъ нашихъ былинъ. Почва скользкая, матеріалъ расплывчивый; въ XVII вѣкѣ былины не только пѣлись, но и успѣли разложиться, и современный книжникъ могъ вносить ихъ отголоски въ лѣтописную канву, изъ которой мы пытаемся извлечь ихъ — болѣе древнее содержаніе! «Лѣтописецъ XVII вѣка присваиваетъ великому князю Олегу государственную устроительную дѣятельность въ русской землѣ и упорядоченіе податной повинности на Руси. . . . Та же самая государственная, объединительная и гражданская дѣятельность приписывалась былевымъ эпосомъ Вольгѣ Святосла-

1) I. с. Ноябрь, стр. 21, 22.

2) I. с. Августъ, стр. 292—3.

3) I. с. Ноябрь, стр. 25—6.